

Bazyli Białokozowicz

Warszawa

**Славянские возвышенные идеи свободы, общности
и братства в письмах разных лиц к Л.Н. Толстому
и его ответ Стефании Ляудын-Хшановской
*Польской женщине („Одной из многих”)***

Издrevле добрые и гордые сарматы
Трудом и доблестью, и лирою богаты.
Мы общей Родины Славянской сыновья.
*Славянский общий дом, Славянская семья*¹.

О.Б. Ионайтис, знаток и ценитель творчества Л.Н. Толстого, совершенно справедливо констатирует: „Толстой остро чувствует личную ответственность за несправедливость царящую в мире. [...] Толстой чувствует свою ответственность именно перед всем человечеством не различая Своих и Чужих. Он обращается ко всем народам, видя бедственное положение всего человечества, стоящего на краю гибели. Мир был освещен учением Христа, в основе которого была любовь, не к какому-то отдельному человеку, а ко всему человечеству, к любому человеку [...]. Где же источник добра и зла? Он в человеке. Толстой пишет о том, что человек виновен во зле и ответственен за установление царства добра. Арена борьбы добра и зла – тот же человек. От него зависит установление добра как в нем самом, так и во всем мире. В этом великое предназначение человека в мире, определенные ему Богом”².

К огромному нашему сожалению, и ныне мир далек от толстовских мечтаний. И совершенно прав выдающийся чешский толстовед Стефан Колафа, когда пишет: „И теперь следует раскрывать духовное и нравственное наследие Толстого и брать его на вооружение против »разбойничьих

¹ А.З. Дмитровский, *Полякам Братьям. Послание*. 22–24 июня 2007 г. Ольштын-Кортово.

² О.Б. Ионайтис, *Л.Н. Толстой. „Закон насилия и закон любви”: человек и мир*, „Яснополянский сборник 2006”, Статьи, материалы, публикации, Издательский Дом „Ясная Поляна”, Тула 2006, с. 147, 149, 152.

гнезд« нашего времени”³. Стефан Колафа называет Л.Н. Толстого „пророком западных и южных славян”, положительно оценивает толстовскую концепцию „всеобщего религиозного единения» как альтернативу «славянофильскому и панславянофильскому единению”⁴. И, прежде всего, имеются здесь *в виду* религиозно-этические концепции писателя – в России называемые *толстовством*, на западе – *толстоизмом*.

Огромную роль в распространении религиозно-этических идей Л.Н. Толстого в славянском мире сыграли следующие ученые и писатели – болгары: Христо Феодосьевич Досев (1886–1919), сотрудник журнала „Възраждане”⁵, поляки: Мариан Здзеховский⁶ и Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay, или как его в России величали Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ⁷, словаки: Альберт Шкарван, врач и последователь Толстого (1869–1926) и Душан Маковицкий (1866–1921), автор непревзойденных *Яснополянских записок: У Толстого (1904–1910)*, изданных издательством „Наука” в четырех книгах в рамках „Литературного наследства” (т. 90, Москва 1979–1981), неподражаемый знаток и ценитель, как русской литературы и культуры⁸, так и всех других славянских народов.

Благодаря деятельной инициативе Душана Маковицкого, нравоучительные идеи автора *Исповеди* проникали к весьма широкому кругу славянских читателей, а также обществ, что находило свое яркое перевоплощение во многих славянских письмах, направленных *писателю земли русской*, в Ясную Поляну. Ниже приводим наиболее яркие примеры, свидетельствующие о родстве и братстве славянских народов. Эта идея особенно ярко проявилась в письме к Л.Н. Толстому, которое направило ему Всеславянское Общество „Славия”. Это очень характерное письмо, в котором весьма ярко выразились возвышенные идеи свободы, общности и братства всех славянских народов в соответствии с мировым измерением общечеловеческих идеалов. Приводим его полностью, без сокращений:

³ С. Колафа, *Лев Толстой и славянский мир в прошлом и настоящем*, [в:] *Лев Толстой и современный мир*, ч. I: *Идеи Л.Н. Толстого в контексте современной эпохи*, Тула 1998, с. 174.

⁴ См.: S. Kolafa, *Лев Толстой и славянский мир в прошлом и настоящем*, [w:] *Lew Tolstoj i kultury słowiańskie*, pod red. B. Białokozowicza, Wyd. UWM, Olsztyn 2005, s. 99–120.

⁵ См.: X. Досев, *Вблизи Ясной Поляны (1907–1909)*, Москва s.d., Издание „Посредника”, № 1147.

⁶ См.: В. Białokozowicz, *Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj*, Wyd. Łuk, Białystok 1995, s. 314, nlb. 2, liczne ilustracje.

⁷ Б. Бялокович, *Неизвестная судьба статьи – исследования И.А. Бодуэна де Куртенэ „Л.Н. Толстой и смертная казнь”*, „Вестник Нижегородского университета” им. Н.И. Лобачевского, серия Филология, выпуск 1, Нижний Новгород 1999, с. 88–98.

⁸ Š. Kalafa, *K souhvězdí ruské literatury. Dušan Makovičský u Tolstého, Čechova a Gorkého* Universita Karlova, Praha 1974, ss. 150, 2 nlb.

Дорогой Учитель

Лев Николаевич!

Всеславянское общество „Славия” чествовало память дня сожжения великого чешского реформатора Яна Гуса. Был разведён костёр, около которого представители славянских народностей говорили речи. Тут же вспомнили другого великого Славянина – реформатора, Льва Николаевича Толстого, и было решено отправить, в знак глубокого уважения ко всей жизни и деятельности великого писателя Земли Русской, картину с изображением сожжения Яна Гуса. Всеславянское общество „Славия” в Москве, ставящее своей задачей распространение среди Славян идей свободы, равенства и братства с особенной гордостью сознает, что в наш век национального шовинизма и религиозной нетерпимости, живет и работает гениальный мыслитель и художник слова, который неустанно провозглашает идеи национальной солидарности (основанной на общечеловеческих началах) и принципе единого христианства. Эти идеи особенно должны быть дороги Славянству, которое погубило оттого, что подчеркивало не то, что объединяет духовно людей, а наоборот то, что их разъединяет. Раньше всегда говорили: „я православный”, „я католик”, „я протестант”, а также: „я русский”, „я чех”, „я поляк”, „я болгарин”, „я сербо-хорват ” и так далее. Общество же „Славия” говорит: „я христианин”, „я славянин”, все люди должны быть братьями не только по крови, но и по духу. Или, как прекрасно выразился чешский поэт Ян Коллар: „И пусть на зов Твой »Славянин«, ответит эхо »Человек”!

Общество надеется, что Вы осчастливите его принятием скромного его дара.

Председатель: Чех, Святополк Коничек
Секретарь: Русский, Ф. Аристов⁹.

Вместе с письмом от 23 июня (6 июля) 1909 года от Московского отделения Всеславянского Общества „Славия” была прислана литография с картины чешского художника Венцеслава Чёрного (Иерну) – *Сожжение Яна Гуса*. На медной доске рамы была помещена следующая надпись: „Великому русскому реформатору Льву Николаевичу Толстому на память о дне сожжения чешского реформатора Яна Гуса 23 июня (6 VII) 1415 года”. Картина до сих пор висит в Яснополянском Доме-Музее Л.Н. Толстого.

Л.Н. Толстой весьма положительно оценивал деятельность Общества „Славия”, которое ставило в качестве своей программы освобождение

⁹ Письмо к Л.Н. Толстому от 23 июня (6 июля) 1909 г. хранится в Отделе Рукописей Государственного Музея Л.Н. Толстого в Москве, инвентарная опись № 45519.

Славян от национального угнетения и создание „Союза народов”, объединяющего и другие народности. Московское Отделение этого Общества было организовано в 1901 году. Направление его деятельности приветствовал Л.Н. Толстой, что и выразилось весьма отчетливо в благодарственном ответе писателя: *Обществу „Славия”*.

Ясная Поляна, 8 июня 1909 г.

Дорогие братья,

Письмо Ваше глубоко тронуло меня. Всею душой желал бы быть хоть в самой малой доле тем, чем Вы меня признаете.

Не могу не верить в исключительное значение славянства для объединения не только христиан, но и всех людей, как прекрасно выражена эта мысль у Коллара.

Благодарю за подарок.

Лев Толстой¹⁰

К Л.Н. Толстому корреспонденты из славянских стран обращались по самым разнообразным вопросам. К примеру, сербская девушка патриотка из Белграда, Анджа Мита Петровичева просила писателя выступить в защиту Боснии и Герцеговины, насильственно правом сильнейшего включенных в состав Австрии. Л.Н. Толстой не только ответил ей письмом, но и написал большую статью *О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии* (1908), в которой весьма обширно изложил свои религиозно-этические взгляды на сложные проблемы сосуществования государств и мирное сожительство людей между собой¹¹.

Довольно много писем Л.Н. Толстой получал из Чехии и Словакии. К примеру, Осип Высокий из Чехии в письме, написанном в Праге 5 ноября 1909 года, обратился к Л.Н. Толстому со следующим письмом:

Ваше Сиятельство!

У меня не хватает слов, чтобы выразить мое почтение к Вам и не нахожу доводов для оправдания того письма, но произведения Ваши, которые достигли такой известности во всем мире, а у нас в Чехии, где следим, за

¹⁰ Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, серия третья: *Письма*, т. 80, ГИХЛ, Москва 1955, с. 10.

¹¹ Л.Н. Толстой, *О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии*, [в:] Л.Н. Толстой *Полное собрание сочинений*, серия первая: *Произведения*, ГИХЛ, Москва 1956, т. 37, с. 222–229. См. также: В. Białokozowicz, *Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj...*, особенно ч. IV: *Перепуска Здзеховского с Душаном Маковицким и статья Л.Н. Толстого „О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии”*, с. 183–211, 292–298.

всеми событиями происходящими в России со сдвоенным вниманием, заставляют меня выразить Вам свою глубокую преданность и осмелится обратиться к Вам с настоящей просьбой.

Я весьма высоко ценил бы память из рук Ваших, которые служили бы посредником между духом Вашим и миллионами, а посему осмеливаюсь просить подписи Вашей и простить за беспокойство.

В Праге, 5 ноября 1909 г.¹²

К Л.Н. Толстому письма писали также чехи, проживающие в России. Так, например, профессор Петербургской Консерватории Игнатий Воячек в письме от 20 января 1892 года, обратился к писателю со следующей просьбой: „Одно Славянское Общество писателей в Австрии поручило мне выпросить от Вашего Сиятельства несколько строчек письма, которое названное Общество намерено хранить как реликвию на вечное время”¹³.

Л.Н. Толстой получал тоже многочисленные письма от поляков – на русском, польском, немецком, французском, английском языках и на эсперанто¹⁴. Содержание их самое разнообразное – от сугубо личных проблем, переводов сочинений писателя на польский язык¹⁵, преследования поляков в России и Германии, развития польской литературы, культуры и искусства, по проблемы пацифизма, войны и мира, толстовского понимания непротivления злу насилием, христианского милосердия, всепрощения, любви к ближнему своему, а также решительного и последовательного осуждения писателем всех и всяческих войн, воинской повинности и смертной казни. Для Толстого совершенно была неприемлемая ксенофобия, растущая нетерпимость превращающаяся в ненависть.

Настоящую волну писем к Толстому вызвал не только роман *Воскресение*, но „и определение Святейшего синода от 20–23 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам”¹⁶ и „ответ Л.Н. Толстого на постановление

¹² Письмо хранится в Отделе Рукописей Государственного Музея Л.Н. Толстого в Москве, инвентарная опись № 45559.

¹³ Письмо хранится в Отделе Рукописей Государственного Музея Л.Н. Толстого в Москве, шифр Т. С 142/12.

¹⁴ Эти письма в преобладающем своем большинстве использованы мною в монографии: В. Białokozowicz, *Lwa Tolstoja związki z Polską*, „Książka i Wiedza”, Warszawa 1966, s. 136–378.

¹⁵ См.: об этом: В. Białokozowicz, *Традиция и современность – русский язык в письмах польских писателей и переводчиков Л.Н. Толстому*, [w:] *Zeszyty Naukowe. Tendencje rozwojowe wspólczesnego języka rosyjskiego*, nr 1, pod red. J. Mąkoszy-Bogdan, Wszechnica Polska. Szkoła Wyższa TWP w Warszawie, Warszawa 2007, s. 71–84.

¹⁶ Л.Н. Толстой, *Pro et contra. Антология*, Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, Санкт-Петербург 2000, с. 343–347.

Синода”¹⁷, в котором писал: „Верю я в следующее: верю в Бога, Которого понимаю как Духа, как Любовь, как Начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, Которого понимать Богом и Которому молиться считаю величайшим кощунством, Верю в то, что истинное благо человека в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, даст после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви и вместе с тем более всего другого содействует установлению в мире Царства –Божия, т.е. такого строя жизни, при котором царствующие раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою”¹⁸.

Такое восприятие Л.Н. Толстым Бога и Христа во многом совпадало с арианской точкой зрения, направлением в христианстве IV–VI веков, связанным с именем и учением александрийского пресвитера Ария. И хотя арианское течение было осуждено Константинопольским собором (381), но оно все – таки время от времени возрождалось, в том числе и в Польше, особенно в период европейского Ренессанса. В Польше центром их деятельности был город Раков (Raków), расположенный над рекой Черная, притоком Вислы. Арианство проникало также в другие регионы Польши, а также в Великое Литовское княжество. Проникло и в мой родной город на Подляшье *Бельск* (ныне Бельск Подляски), где в результате гонения на ариан был казнен в 1611 году мещанин Ян-Иван Тышковиц, отказавшийся принять католицизм и последовательно отстаивающий основные принципы арианского учения¹⁹. В 1658 году Сейм Речи Посполитой принял решение о лишении всех прав участников арианского движения и изгнании ариан из страны²⁰.

И какое было мое удивление, когда в Рукописном Отделе Государственного Музея Л.Н. Толстого в Москве я обнаружил письмо от вновь возрожденного Общества польских ариан в Кракове, действующего под названием Братьев Польских, направленное писателю и отмечающему

¹⁷ Ibidem, с. 348–355.

¹⁸ Ibidem, с. 354.

¹⁹ См.: А. Cecuła, *Prawdziwa historia Kościoła w Polsce (39). Ofiary fanatyzmu*, „Fakty i Mity”, Łódź 1–7 VI 2007, nr 22 (378), s. 16.

²⁰ См.: H. Masson, *Słownik herezji w Kościele Katolickim*, przeł. B. Sęk, „Książnica”, Katowice 1993, s. 67–70, 94–95, 268–269.

точки соприкосновения с религиозно –этическими взглядами автора *Исповеди*. Оно до такой степени интересное, что ниже привожу его *in extenso*, то есть полностью (целиком):

Краков, 11 июня 1910 г.
Глубокоуважаемый Государь!

Благоволите простить, что осмеливаемся нашим малым и молодым кружком утруждать Ваше достойное Лицо, однако же известная доброта и Ваше, Глубокоуважаемый Государь, доброжелательство ко всем стремлениям, одушевленным благородными намерениями, утвердили нас в этом решении. Мы питаем надежду, что Вы, Глубокоуважаемый Государь, соблаговолите отнестись со вниманием к голосу из отечества Чеховица²¹, Гоньондза²² и других ариан времен Реформации, которые в не одном пункте были Вашими предшественниками. Пересылаем наши программные воззвания и покорнейше просим Вас, Глубокоуважаемый Государь, сообщить нам Свое мнение об этом деле, притом, если можно, слово доброжелательного совета, что чрезмерно было бы важно для нас, обожателей исполинской и неразрушимой силы Вашего духа.

Marian Lubecki

Kraków, ul. Floriańska 8, III piętro²³

Мариан Тадеуш Любецки (1888–1968) – это большой и независимый общественный деятель, проповедник и религиовед.

Вслед затем последовало: В Кракове, 11-ого июня 1910. Дальше значилось семь разборчивых подписей и пять неразборчивых. Разборчивые подписи: Stefan Baraniecki, Maria Steinmasłówna, Stanisław Parczyński, Szczęśny Murdzieński, Kazimierz Murdzieński, Amalia Poznańska, Kazimierz Piątek. К письму были присоединены программные воззвания краковских ариан, среди которых особенно выделялась следующая брошюра: *Józef Ostek, Ponad Kościoły* (Быть выше официальных церквей).

²¹ Czechowic Marcin (1532–1613) – деятель, пламенный полемист, а также идеолог арианского течения в Польше, представляющий его радикальное крыло, выдвигал лозунги общественной справедливости, выступал против крепостного права, проявлял себя в качестве последовательного защитника арианских убеждений.

²² Piotr z Goniądza (1525–1573) – арианский деятель общества Польские Братья, подвергал весьма резкой критике господствующие в то время в Польше общественно-политические отношения, резко выступал против смертной казни, а также всех и всяческих войн, которые осуждал с точки зрения христианского учения.

²³ Отдел Рукописей в Государственном Музее Л.Н. Толстого в Москве, инвентарная опись 53670.

Л.Н. Толстой решительным образом выступал против всякой показухи. Для писателя абсолютным кощунством представлялось такое двусмысленное явление как молитва перед алтарем и в повседневной жизни проявление ненависти, мести и крайней злобы к инакомыслящим и к соседним странам. Такое патологическое явление Л.Н. Толстой считал ненормальным, перечеркивающим полностью гуманистическую суть христианского учения и христианской морали. В цитируемом уже мною: *Ответе на постановление Синода* писал: „Как бы кто ни понимал Христа, то учение Его, которое уничтожает зло мира так просто, легко, несомненно, дает благо людям если только они не будут извращать его”²⁴.

Лев Николаевич Толстой, уверовав в спасительную силу сострадания, религию сводил к этике любви и непротивлению, считая, что официальные церковные догмы подавляют свободу совести и противоречат рассудку, мешают приобщению человека к бесконечному началу, символом которого является сам Бог, а его пророком Иисус Христос, являющийся Божественным откровением, провозгласившим любовь к людям и между людьми как основу общественного прогресса и спасения всего Человечества. Эту свою точку зрения писатель наиболее ярко выразил в *Ответе польской женщине (Одной из многих)*, который составляет настоящую программу возрождения славян и всего человечества. Л.Н. Толстой следующим образом обосновал свою точку зрения: „Избавление поработенных людей нашего времени, не только польского народа, но всех народов, всех поработенных сословий, никак не в разжигании того или иного польского, индусского, славянского патриотизма или революционного задора и еще менее в придумывании таких новых форм жизни, в которые должны сложиться народы и люди, и еще менее в так называемой парламентской борьбе, то есть в упражнении в красноречии, а только в одном: в отрешении от отжитого людьми, уже несвойственного им закона борьбы и насилия и в признании основным законом жизни общего в наше время всем людям закона любви, любви, исключающей возможность участия в каком бы то не было насилии”²⁵.

Таковы были искренние убеждения Л.Н. Толстого и вытекающие отсюда его мечтания „в том, что этот огромный переворот в жизни человечества начнется именно среди нас, среди славянских народов, менее других воинственных, более других христианских в истинном смысле христианства и потому более способных к живому сознанию того нового

²⁴ Л.Н. Толстой, *Pro et contra. Антология*. Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, Санкт-Петербург 2000, с. 353.

²⁵ Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, Москва 1936, т. 38, с. 154.

закона любви, который должен заменить отживший”²⁶. Оканчивая свой *Ответ польской женщине (Одной из многих)*, Л.Н. Толстой спрашивал и отвечал: „Почему бы не начаться этому решающему судьбу человечества движению в истерзанной Польше? А не в Польше, то в еще более внутренне истерзанной России? А начнись это движение в одном из славянских народов, и естественно бы было примкнуть к нему и другим, развращенным теперь государственными соблазнами, славянским народам. А захвати это движение славянство, и оно неизбежно заразило бы и все христианские народы”²⁷.

Таковы были мечты Л.Н. Толстого, вызванные письмом Стефании Ляудын-Хшановской из польского курорта Закопане, датированным 20 марта 1909 года и подписанным псевдонимом „Полька” („Одна из многих”)²⁸.

Streszczenie

Słowiańskie wniosły ideały wolności wspólnoty i braterstwa w listach do Lwa Tołstoja oraz odpowiedź pisarza Stefanii Laudyn-Chrzanowskiej „Do Polki (Jednej z wielu)”

W Dziale Rękopisów Państwowego Muzeum Lwa Tołstoja w Moskwie przechowywane są listy autora *Zmartwychwstania* do różnych osób, a także około 60 tys. listów z całego świata do pisarza rosyjskiego. Zaiste, jest to prawdziwa kopalnia wiedzy o ówczesnej Rosji i ówczesnym świecie. Autor niniejszej publikacji zwrócił szczególną uwagę na listy korespondentów z krajów słowiańskich, którzy poddawali wnikliwej analizie wniosły słowiańskie ideały wolności, wspólnoty i braterstwa w kontekście pokojowego współżycia ludzi różnych narodowości, ras i kultur. Takimi były listy Wszechsłowiańskiego Stowarzyszenia „Slavia” (z 6 lipca 1909) oraz odrodzonego Stowarzyszenia Braci Polskich z Krakowa (z 11 czerwca 1910), nawiązującego do chlubnych a zarazem tragicznych dziejów arikańskich przypomnianych przez Mariana Tadeusza Lubeckiego, Józefa Ostka, Stefana Baranieckiego, Stanisława Parczyńskiego, Kazimierza Piątka, Amelię Poznańską i wiele innych osób. Do pisarza rosyjskiego zwracano się z najróżniejszymi prośbami (np. Osip Wysokij z Czech w sprawie przekładów, Andża Mita Petrovič z Belgradu w sprawie aneksji Bośni i Hercegowiny przez Austrię, Marian Zdziechowski z Krakowa w kwestii tołstoizmu jako doktryny religijno-estetycznej, Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay i Jan Styka w przedmiocie kary śmierci. Powiernikiem Tołstoja w sprawach europejskich i słowiańskich był mieszkający w Jasnej Polanie słowacki lekarz i myśliciel Dušan Makovický, autor znakomitych *Jasnopolańskich Zapisek* (1904–1910).

Na nurtujące społeczność słowiańską problemy Lew Tołstoj konsekwentnie odpowiadał zgodnie ze swoją racjonalistyczną doktryną. Według głębokiego przekonania pisarza Bóg jest miłością, a poprzez Jezusa Chrystusa dzieli się swoją miłością z ludźmi. Pełna jedność z Bogiem – to jedność w prawdzie, w miłości i pokoju. Człowiek, który wybrał miłość, przesiąknięty jest bezgraniczną dobrocią. Tołstoja cechowała głęboka troska o losy świata. Chrześcijanom powinno być całkowicie obce

²⁶ Ibidem, c. 155.

²⁷ Ibidem, c. 155.

²⁸ Письмо Стефании Ляудын-Хшановской хранится в Рукописном Отделе Государственного Музея Л.Н. Толстого в Москве, инвентарная опись № 118/9701. См.: Б. Бялокозович, *Стефания Ляудын-Хшановская и Лев Толстой „Ответ польской женщине (Одной из многих)” – программа возрождения славян и всего человечества*, „Толстовский Ежегодник 2003”, Издательство „Дизайн-Коллегия”, Тула 2006, с. 146–161.

uczucie nienawiści, odwetu, rewanżu i zemsty, powinna ich cechować miłość, przebaczenie, miłosierdzie, zwalczanie wszelkiego zła poprzez szerzenie dobra i szlachetnych uczuć w myśl zasady: *кто żyє z Богом, выбирає miłość*. Miłość bliźniego w oczach i odczuciach pisarza stanowiła doniosłą wartość, którą nieustannie należy promować i której codziennie należy się uczyć. Pisarz był bowiem architektem i realizatorem oczyszczonego z obcych mu nawarstwień chrześcijaństwa i jako stróż zasad etycznych permanentnie promował dobro i piętnował zło, poszerzając na świecie przestrzeń nadziei i miłości poprzez postrzeganie pokoju i wskazanie na ewangeliczne źródła chrześcijaństwa, co też najbardziej dobitnie wyraził w liście do Stefanii Laudyn-Chrzanowskiej w postaci dużego artykułu *Odpowiedź Polce (Jednej z wielu)*.

Summary

Slavonic glorious ideals of freedom, union and brotherhood in letters to Count Leo Tolstoy and the writer's reply to Stefania Laudyn-Chrzanowska – „To a Polish Woman (One of Many)”

The author's of *Resurrection* letters to different addressees, as well as about 60 thousand letters to the Russian writer from all over the world are kept in the Department of Manuscript Works of the National Museum of Count Leo Tolstoy in Moscow. Indeed, it is a real mine of knowledge of the writer's contemporary Russia and the world of those days. The author of this publication pays particular attention to the letters of correspondents in Slavonic countries who subjected Slavonic glorious ideals of freedom, union and brotherhood to a penetrating analysis in view of a peaceful community of people of different nationalities, races and cultures. Such were the letters to Count Leo Tolstoy of 6th July 1909 by All-Slavonic Association „Slavia”, as well as the letters of 11th June 1910 by a revived Polish Fellowship Association – reverting to noble as well as tragic Arian history in the Poland of Reformation, signed by Marian Tadeusz Lubecki, Józef Ostka, Stefan Baraniecki, Stanisław Parczyński, Kazimierz Piątka, Amelia Poznańska and many others. The Russian writer was applied to with many various requests (e.g. Osip Vysoký of Czech in the matter of rendering; Andža Mita Petrovič of Belgrade in the concern of Bosnia-Herzegovina annexation by Austria; Marian Zdziechowski of Cracow in the issue of *tolstoizm* as a religious-ethical doctrine; Jan Niecisław Ignacy Baudouin and Jan Styka in the question of death penalty). Tolstoy's confidant in European and Slavonic matters was a Slovakian doctor and philosopher, Dušan Makovický, living in Yasna Polyana, the author of a masterpiece – *The Yasna Polyana Record* (1904–1910).

Count Leo Tolstoy would consequently answer the rankling the Slavonic society questions in harmony with his rationalistic doctrine, called *tolstoizm*. According to the writer's sound belief God is love and through Jesus Christ shares with His love with people. A full union with God – it is the union in the truth, love and peace. A man who chooses love is soaked through with endless kind-heartedness. The main feature of Tolstoy was a grave concern for the world's doom. A Christian should be totally deprived of hate and the feeling of revenge; love, forgiveness, compassion, fight against evil through spreading kindness and noble feelings should be the trails of the religion based on the life and teachings of Christ, in agreement with the principle: *who lives with God, chooses love*. The love of fellow being was seen and felt by the writer as a significant value which ought to be learnt and contributed to incessantly. The writer as an architect and director of purified of Christianity alien layers and a moral philosopher constantly supported kindness and condemned evil, spreading out the space of hope and love through his obedience to peace and evangelical source of Christianity, which was perspicaciously expressed in the letter to Stefania Laudyn-Chrzanowska, in a form of a voluminous article – *A Reply to a Polish Woman (One of Many)*.